

А.В. Тимофеев

Русские народные былины

Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.В. Тимофеев**
Русские народные былины: Книга 1 / А.В. Тимофеев – М.: Книга по Требова-
нию, 2021. – 442 с.

ISBN 978-5-458-02248-4

В двух частях.

ISBN 978-5-458-02248-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Свѣта твоимъ дивнымъ, божественнымъ свѣтомъ, —
 Туда, въ тайникъ самый отжившихъ племень,
 Туда, гдѣ клубится туманъ первобытный...
 Давно тамъ умолкнули пѣсни твои;
 Но ихъ отголосокъ намъ слышенъ повсюду,
 Въ народныхъ преданьяхъ почти всей земли.
 Бѣгу къ тебѣ въ встрѣчу изъ нашего мрака,
 Слышу къ тебѣ, полный священныхъ заботъ,
 И благвѣщу громко въ твой колоколь вѣщій:
 Вставай же, вставай, сильный русскій народъ!
 Привѣтствую васъ, о святылъ преданья,
 И смѣло вступаю подъ звонкій вашъ сводъ.

Протившись давно съ тревоженьями свѣта,
 Я долго въ раздумьи тяжеломъ сидѣлъ
 На брегѣ пустынномъ и дикомъ, и долго
 Съ слѣпымъ недоумѣемъ на мѣрѣ вашъ смотрѣлъ, —
 Мѣрѣ сказочной, мертвой, легендъ и миражей.
 Напрасно, какъ утро весенняго дня,
 Сіялъ предо мной онъ, сквозь ризу тумана;
 Напрасно оттуда манила меня
 Его столь живая, отрадная свѣжесть;
 Гдѣ ключъ отъ него? И какимъ языкомъ,
 Опречь темныхъ знаковъ, чудесныхъ загадокъ,
 Какимъ онъ другимъ, всѣмъ доступнымъ, путемъ
 Подаетъ намъ оттуда чудесный свой голосъ?..

Такъ тщетно стремился пытливымъ умомъ
 Проникнуть я въ эти нѣмыя пространства;
 Онъ раздвигались тотчасъ предо мной,
 Какъ бы тяготая земной моей силой, —
 И я оставался все въ той же глухой
 И дикой пустынѣ, что тяжело давила
 И жала мнѣ душу своей пустотой
 И мертвымъ, холоднымъ безмолвьемъ могилы.
 Кругомъ лишь вздымалась, пучиной сѣдой,
 Одна безконечная, темная вѣчность...
 Кто-жь въ мѣрѣ нашъ вернулся, хоть разъ, изъ нее,
 Чтобъ намъ возвѣстить здѣсь, кто тамъ обитаетъ?

Сказала ли вѣчность намъ слово свое,
Иль тамъ, какъ и прежде, все полно безмолвья?..

А голосъ легенды, сей голосъ временъ, —
Не вѣщее-ль слово изъ книги вселенной?
А мифы, преданья отжившихъ племень,
Не образы-ль это, не плоть-ли живая
Всемирнаго Духа, не свѣтъ ли живой,
Завѣщанный людямъ тѣмъ міромъ минувшимъ?..
Что видимъ мы часто въ наукѣ самой?
У ней развѣ нѣтъ своихъ также Антеевъ,
Что въ трудныхъ мѣстахъ переносятъ ее,
Какъ нѣкогда Данта, на берегу желанный?..
О истина! Гдѣ ты? Гдѣ царство твое?..
Одно только вѣрно, — что все здѣсь невѣрно!

И развѣ мы сами на свѣтѣ живемъ
Не въ сказочномъ мірѣ, не въ мірѣ чудесномъ.
И все, что мы видимъ и слышимъ кругомъ, —
Не ложь, не обманъ, не волшебная сказка?
Мы ходимъ и ѣздимъ, — не зная по чемъ;
Глядимъ въ небеса, — и не вѣдаемъ, что тамъ;
Мы вѣримъ, — не зная во что и въ кого?
Не вѣримъ, — и снова творимъ себя вѣру;
Мы всю жизнь желаемъ, — ждемъ Богъ вѣсть чего,
Всю жизнь суетимся, — а кончимъ могилой.
Кругомъ шумъ и крики, — про что и о чемъ?
Кругомъ кровь и слезы, — за что? отъ чего бы?
Вездѣ одна сказка, о томъ и о семъ,
А въ сущности такъ, ни о чемъ, какъ всѣ сказки.

Быль вѣкъ исполиновъ и богатырей,
Что будто игрушкой играли землею,
Быль вѣкъ долголѣтнихъ, чудесныхъ царей,
Что тысячи по двѣ лѣтъ жили на свѣтѣ, —
Вѣкъ разныхъ чудовищъ небесъ и земли,
Вѣкъ дивовъ воздушныхъ и дивовъ подземныхъ;
Все это осталось за нами вдали
И скрылось, исчезло въ глубокомъ туманѣ.
Такъ точно въ чередъ свой исчезнемъ и мы,

И вѣкъ нашъ со всѣми его чудесами;
И будутъ другіе понятія, умы,
И нить чудесъ новыхъ запутаеъ связку.

Но вотъ что! Межь всѣхъ этихъ образовъ, лицъ,
И этихъ преданій, повѣрій и сказокъ,
Межь всѣхъ этихъ былей и всѣхъ небылицъ,
Мелькаеъ безсмѣнно одинъ чудный образъ, —
Возвышенный образъ и вмѣстѣ простой,
Кого будто мимо обходятъ всѣ бури
И смерть не посмѣла коснуться косою;
Какимъ его зрѣла заря мірозданья,
Почти онъ таково же до нынѣшнихъ дней;
Исчезли народы, смѣнились царства,
Смѣнились занятя и цѣли людей,
А въ немъ живетъ тотъ же вседухъ первобытный...

Взгляните въ глухую даль древнихъ вѣковъ!
У самой ограды святаго Эдема,
Въ тѣни первобытныхъ еще тѣхъ лѣсовъ,
Гдѣ только забрежжило утро вселенной
И слышится голось божественныхъ словъ,
Чтобъ въ потѣлица добывалъ смертный хлѣбъ свой,²⁾—

«Вотъ онъ, ореть уже въ полѣ, понукиваетъ,

«Съ края въ край бороздки пометываетъ,

«Кореня, камня вывертываетъ,

«А камни великіе въ борозду кладетъ»³⁾).

Здравствуй, ратаюшка, Микула Селянновичъ,
Вѣчный труженикъ, представитель земли!

И весь такъ міръ древній проходитъ предъ нами,
Блестя то одной, то другой стороною,
Между зеркалами вѣковъ и событій;
Земля ужъ нестрѣбеть его же семьей.
Въ бронѣ богатырской иль въ тогѣ гражданской;
Престолы сатраповъ, жрецовъ и царей
Совсѣмъ заслонили убогую куцу;
Война смертоносной грозюю своею
Крушитъ грады, нивы и цѣлыя царства...
Гдѣ древній Востокъ, славный свѣтомъ своимъ?
Гдѣ гордый Мемфисъ и стовратные Фивы?

Гдѣ боги Эллады? Гдѣ царственный Римъ?
Блеснули, прошли и исчезли навѣки...

А ясный тотъ образъ, какъ прежде стоитъ,—
Какъ былъ, отраженный то сверху, то снизу,
И съ мирной улыбкой какъ бы говорить:
И все такъ пройдетъ, а я буду все тутъ-же!

И вотъ міръ другой,—міръ Полночныхъ лѣсовъ,
Міръ дѣвственный, полный красоты еще юной;
Въ немъ нѣтъ ни царей, ни большихъ городовъ,
Но много равнинъ и степей безпредѣльныхъ,
Пустынныхъ болотъ и озеръ и снѣговъ,
И орды безпокойныхъ, силъ этихъ бродячихъ;
И слышится голосъ другихъ ужь боговъ
И рѣчь богатирская новыхъ народовъ...

«И тутъ ореть онъ въ полѣ, понукиваетъ,
«Съ края въ край борозден пометываетъ,
«Въ край онъ уйдетъ, другаго не видать,
«Три дня съ утра до ночи не дохати».

Здравствуй, прапрадѣдъ нашъ, Мигула Селяниновичъ,
Недавній рабъ, нынѣ вольный человѣкъ!

Тогда какъ міръ высшій большихъ городовъ,
Гигантскихъ чертоговъ, гигантскихъ сатрапій,
Міръ этотъ дворянскій, героевъ, боговъ,
Царей-исполиновъ, жрецовъ-исполиновъ,
Мечемъ ненасытнымъ отважныхъ дружинъ
Себѣ покоряетъ слабѣйшія страны,
И властвовать хотеть, и править одинъ
Надъ всею землею, смердящею рабствомъ;
Здѣсь, въ этой пустынѣ безмолвныхъ равнинъ,
Мигула нашъ долженъ взрости и устроить
Міръ новыхъ началъ и условій иныхъ,
Міръ вольной дружины и землевладѣльцевъ,
Людей равноправныхъ, — и сдѣлать изъ нихъ
Мужей чести, долга и правды гражданской,—
Тотъ міръ деревенскій, свободный, живой,
Что послѣ низвергнетъ рукой богатирской
Давно отживающій міръ городской,

Міръ мертво-рожденный. Здѣсь, въ этой пустынѣ,
 Какъ будто самъ Промыслъ его бережетъ,
 Отъ грозныхъ царей и ихъ язвы растлѣнья,
 Пока возмужаетъ его сильный родъ,
 Вдали отъ развратнаго барскаго міра,
 Пока подготовить своихъ онъ сыновъ,
 Людей этихъ силы, труда и отваги,
 Ко срѣтенью новыхъ, великихъ вѣковъ,
 Къ пріятію свѣта и духа гражданства.

Здѣсь, въ сумракѣ сѣромъ Полночи сѣдой
 Подъ небомъ суровымъ враждебной природы,
 Онъ;—святель первый судьбы міровой,
 Онъ самъ,—зерно, сѣмя грядущаго міра,—
 Еще полный темныхъ, неясныхъ заботъ,
 Ему прирожденныхъ его назначеньемъ,
 Идетъ онъ все дальше, все глубже впередъ,
 Въ край этотъ безвѣстный, едва проходимый,
 И борется,—прежде съ природой самой,
 Въ комъ онъ еще видитъ сонмъ грозныхъ чудовищъ.
 Таинственныхъ дивовъ, враждебной рукой
 Ему заслоняющихъ всюду дорогу;
 Потомъ со стадами ужасныхъ звѣрей,
 Съ полчищами дикихъ племенъ, съ грозной силой
 Невиданныхъ витязей, богатырей,
 Иль съ силой родною своей богатырской,
 Вокругъ него бьющей живымъ ужъ ключемъ,
 Но все еще полною смуть и раздоровъ.
 Онъ долженъ устроиться въ мірѣ чужомъ,
 Увлаживъ, удобривъ его своей кровью;
 Въ глуши той пустыни и этихъ лѣсовъ
 Прочистить дорогу грядущему свѣту,
 И сдѣлать жилымъ край для новыхъ вѣковъ.
 Здѣсь шагъ его каждый—святая побѣда,
 И каждое сѣмя—живое зерно,
 Незримый зародышъ грядущаго міра,
 Что только ему лишь отъ Бога дано
 Собою начать, а другимъ дать закончить...
 Но здѣсь совершенно онъ долженъ забыть

И міръ тотъ старинный, откуда онъ вышелъ,
 И Бога того, что одинъ могъ хранить
 Его въ этомъ долгомъ, безвыходномъ странствіи.
 Онъ весь слился духомъ съ природою земной,
 Что чудно вспоила его и вскормила,
 Чей видѣлъ повсюду онъ образъ живой,
 Предъ кѣмъ трепеталъ онъ, страдалъ и молился.
 Она ему стала и кормчимъ благимъ
 Въ трудахъ ежедневныхъ и тяжкихъ заботахъ,
 И книгой священной, и богомъ живымъ,
 Праматерью вѣщей боговъ его новыхъ.
 Но онъ хранить долго, до позднихъ временъ,
 Преданья отчизны своей первобытной;
 Его самый образъ у древнихъ племенъ
 Походить на образъ былыхъ патріарховъ.
 Весь слитый изъ мышцъ и крѣпкихъ костей,
 Онъ дивъ-богатырь, онъ гигантъ по сложенью;
 Въ душѣ еще темной и грубой своей
 Таить онъ понятие о Богѣ безплотномъ,
 Предвѣчномъ творцѣ и людей, и боговъ;
 Не вѣдая самъ, онъ весь нравственно ясенъ
 И полонъ чудесныхъ, божественныхъ сновъ,
 О мірѣ какомъ-то, давно ужъ миншемъ ⁴⁾.

Среди этихъ же самыхъ равнинъ и лѣсовъ
 Живетъ и теперъ онъ; но какъ?—Въ какомъ видѣ?
 То правда, промчались десятки вѣковъ
 Надъ нимъ и надъ міромъ; онъ самъ и все въ мірѣ
 Давно измѣнилось. И небо надъ нимъ,
 И свѣтъ, и природа, и люди—иные;
 Все дышетъ и жизнью, и духомъ другимъ:
 Померкъ его образъ былой, исполинскій,
 И духъ патріарха; исчезнулъ вдали
 Его быть широкій временъ богатырскихъ...
 Гдѣ сила его?... Изъ владыки земли,
 Изъ старшаго въ родѣ, главы, господина;
 Онъ сталъ крѣпостнымъ и безличнымъ рабомъ;
 Землей его древней владѣють другіе,

Его міръ-народъ, въ своемъ краѣ родномъ
 Лишенный всѣхъ правъ, сталъ безмысленнымъ стадомъ.
 Рабочею силой, безгласной толной,
 Имуществомъ, вещью господъ самовластныхъ;
 Его боги пали, и говоръ родной
 Священныхъ преданій совсѣмъ замолкаетъ
 Подъ дымною кровлей, гдѣ скудно текутъ
 Теперь его дни, средь домашнихъ животныхъ.
 Одинъ развѣ тяжкій, безвыходный трудъ,
 Страда вѣковая до темной могилы,
 Даютъ ему мѣсто еще средь живыхъ,—
 И то не отраднѣй, благой трудъ, на пользу
 Себѣ и семейству; но трудъ для другихъ,
 Трудъ мертвый,—для тѣхъ, что себя величали,—
 Давно-ль?—господами, отцами его...*)

Какъ это свершилось? Отколь эта немощь?
 Всѣ вкругъ него сильны, и прежде всего
 Родятся свободны; одинъ онъ безсиленъ,
 И прямо родится на свѣтъ онъ рабомъ;
 Всѣ имъ управляютъ,—одинъ онъ обязанъ
 Клонить свою шею подъ вѣчнымъ ярмомъ;
 Тупая бездарность и дикая наглость,
 Само слабоумье и гнусный порокъ
 Себѣ поставляютъ въ законное прово,—
 Чего никто въ мірѣ предвидѣть не могъ,—
 Его жить трудами, господствовать дерзко
 Надъ нимъ и семействомъ его, истязать
 Его безнаказанно, явно, открыто,
 И съ грязью его подъ ногами топтать...
 И онъ,—онъ съ терпѣниемъ святымъ переносить.
 Усердно всѣмъ служить. трудится на всѣхъ,
 На всѣхъ успѣваетъ, и съ тѣмъ же терпѣниемъ,
 Простивши безумцамъ кровавый ихъ грѣхъ,
 Безъ жалобъ напрасныхъ, безъ слезъ, умираетъ,...

Чтожь это?—Завваска-ль языческой тьмы,
 Что въ насъ пробиваетъ еще и понинѣ,

*) Разумѣется, это относится еще къ эпохѣ крѣпостнаго права.

Иль слѣдствіе страшныхъ пространствъ тѣхъ, что мы
 Не можемъ осилить своимъ населеньемъ,
 Чтобъ сдвинуть обширный народъ нашъ плотнѣй, —
 Иль слѣдъ неразвитости, бѣдности нашей,
 Бесилья и бѣдности, — страшныхъ бичей,
 Унизившихъ столько могучихъ народовъ?...

Сосѣди Микулы, изъ прежнихъ дружинъ,
 Давно ужъ сложились въ цвѣтуція страны;
 А онъ, — онъ, древнѣйшій земли господинъ,
 И онъ самъ, и край весь, понынѣ въ застоѣ;
 Его богатырь, что мы столько ужъ лѣтъ
 Привыкли знать сиднемъ, духъ этотъ народный,
 Кому досель мѣста у насъ еще нѣтъ
 Средь жизни гражданской, — сидитъ и понынѣ
 Такимъ же все сиднемъ... Никто не видалъ,
 Чтобъ онъ богатырски когда встрепенулся,
 Чтобъ онъ хоть однажды бы на ноги сталь,
 Иль подалъ бы голосъ, на голосъ призывный,
 Свободы и свѣта.

Но точно-ль они

Такъ нравственно слабы? Мы только лишь видимъ
 Ихъ образъ наружный, а новые дни
 Отъ насъ затемнили ихъ образъ минувшій.
 Такими ли были они всегда? .
 И громы, и молнія, сидятъ также сиднемъ
 Внутри мрачной тучи; и гордо суда
 И утлыя лодки браздятъ подъ собою
 Безмолвное море, пока въ тишинѣ
 Спитъ страшный духъ бури; и духъ богатырскій,
 Чѣмъ больше онъ силъ таитъ въ глубинѣ,
 Тѣмъ онъ добродушнѣй, уступчивѣй съ виду,
 Затѣмъ что онъ чувствуетъ силу свою.

Но Боже мой, кто же намъ добылъ, воздѣлалъ
 Обширный нашъ край? Кто же въ этомъ краю
 Живетъ, давно страшный для цѣлой Европы?
 Кто насъ хранить, кормить, снабжаетъ казной?
 Чья сила связала такія пространства
 Въ одно государство, живую стѣной

Его опоясавъ отъ моря до моря?
 Его грудью могучей нашъ край отстоялъ
 Отъ хищныхъ враговъ или жадныхъ сосѣдей?
 Какой народъ столько силъ чуждыхъ пріялъ,
 А все живетъ жизнью своею народной?

Гигантъ-Атласъ древле держалъ на плечахъ
 Воздушное небо. — и сталъ полубогомъ;
 Гигантъ нашъ Микула у насъ на глазахъ
 Несетъ на могучихъ плечахъ богатырскихъ
 Ужасную тягу всей Русской земли;
 А правдивые люди едва почитаютъ
 Его человекомъ.

Пускай не пришли,
 Хотя, можетъ, и близки они, дѣи златыя
 Его просвѣщенья; но также и онъ,
 Подобно сосѣдямъ своимъ, сынъ Яфета ⁵⁾;
 И онъ принадлежитъ сначала временъ
 Къ великой и сильной породѣ Арійской,
 И также имѣетъ былое свое
 Въ странахъ отдаленныхъ сѣдаго Востока,
 Гдѣ началъ онъ древле свое бытiе,
 Откуда онъ вышелъ съ другими, родными
 Ему племенами, въ свой нынѣшній край.
 И онъ—сродни древнимъ богамъ и героямъ.
 И помнитъ доннѣ еще этотъ рай
 Временъ первобытныхъ, тотъ Вырій чудесный,
 Гдѣ каждое утро дѣвица-Заря,
 Врата отомкнувши блестящему Солнцу,
 Выводитъ коней для дневнаго царя;
 Откозь и понишѣ къ нему прилетаютъ
 Весеннія птицы, и въ клювахъ своихъ
 Приносятъ на Сѣверъ ключи золотые
 Отъ вешняго неба, гдѣ въ нѣдрахъ святыхъ
 Сіяютъ колодцы воды животворной ⁶⁾...

А про древняго русскаго богатыря.
 Про Ивана царевича,
 Про борьбу Асовъ съ Ванамъ,
 Вы помните ли?

А про того могучаго богатыря,
Что былъ надъ семидесятью землями богатырь,

Вы знаете ли?

А въ темныя тайны раскольниковъ,
Въ это мерцанье глубокой древности,

Вы проникнули ль?...

А это раздольно-широкое время
Владимира-Солнца, блескъ чудныхъ пировъ
Его лучезарной семьи богатырской, —
Асгардъ *) этотъ русскій, жилище боговъ
Средь самого Кіева?.. Страшныя битвы
Таинственныхъ чудищъ и богатырей, —
Тѣхъ ютновъ и турсовъ **) земли нашей русской,
И чуть не божественныхъ этихъ людей?..

А образъ могучій и строгій Микулы —
Стоящій, какъ вѣщій средь нихъ исполинъ,
И самый разумный, и самый сильнѣйшій?

~~Еще ли остатки народныхъ былинъ,
Намъ скажутъ, — наплывъ лишь преданій намъ русскихъ,
Случайно оставленный русской странѣ
Сосѣдствомъ татарскимъ? Почему-жъ на насъ
Досель русскимъ духомъ и складомъ онъ?
Какъ это слился онъ такъ съ народомъ?~~

Мы знаемъ отчасти своихъ мужичковъ,
Крестьянъ-поселянъ; но не знаемъ Микулу;
Межъ нимъ и межъ нами рядъ дѣлѣй вѣковъ,
Его древній образъ растаялъ въ минувшемъ.
Теперь мы чуть можемъ проникнуть въ тотъ мѣръ,
Что онъ себѣ создалъ, гдѣ жилъ онъ вначалѣ.
Микула намъ чуждъ, какъ развитый кумиръ,
Отъ коего только остались обломки.
Мы можемъ лѣпить ихъ въ былой идеалъ,
Но онъ все не будетъ имѣть передъ нами
Того обаяннѣ, что прежде ~~сидѣлъ~~,

*) Асгардъ, жилище скандинавскихъ боговъ.

**) Турсы и ютны, древніе финскіе исполины, по скандинавской мифологіи.